

Людмила Зубова

ФОРМА СУТЬ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Тезис о том, что поэт – орудие языка, настойчиво утверждаемый Иосифом Бродским и теоретически, и практически [Бродский, 1992, 15], побуждает посмотреть на его поэзию именно с этой точки зрения.

В поэзии Бродского широко представлены свойства прошлых и будущих языковых состояний, а также, что кажется особенно интересным и важным, сам механизм преобразований; история русского языка предстает в стихотворениях и поэмах Бродского как наглядная картина динамических процессов, охватывающих все языковые элементы. Историко-лингвистический анализ произведений Бродского интересен не только для описания картины мира поэта, осмыслиния литературы и философии XX века, но и для уяснения того, какие процессы и каким образом в истории языка осуществляются.

Архаическая глагольная форма *суть* обычно употребляется Бродским в форме не множественного числа, как диктует норма, а единственного:

Постоянство *суть*¹ эволюция принципа помещенья
в сторону мысли. Продолженье квадрата или
параллелепипеда средствами, как сказал бы
тот же Клаузевиц, голоса или извилин.

(Элегия, Бродский, 1991, 238)

И пустоте стало страшно за самое себя.
Первыми это почувствовали птицы – хотя звезды
тоже *суть* участь камня, брошенного в дрозда.

(Мир создан был..., III, 237)²

Страх *суть* таблица

зависимостей между личной
беспомощностью тел и лицней
секундой. [...]

(Муха, III, 105)

Не слышно ни птицы, ни тем более автомобиля:
будущее *суть* панацея от

того, чему свойственно повторяться
 (Примечания к прогнозам погоды, III, 120)

Призрак бродит бесцельно по Каунасу. Он
 суть твое прибавление к воздуху мысли
 обо мне,
 суть пространство в квадрате, а не
 энергичная проповедь лучших времен.
 (Литовский ноктюрн, II, 328)

Подобных примеров настолько много (зафиксировано 20), что это явление из грамматической ошибки превращается в яркую примету стиля, нередко воспроизводится – может быть, иногда в подражание, иногда явно независимо – и другими поэтами, например, Ю. Кублановским, Н. Голем, Н. Галкиной, то есть активно осваивается современным русским языком.³

Интересно, что на 20 употреблений формы *суть* в изданиях Бродского только однажды она встретилась в исторически правильной форме 3-го лица множественного числа (для случайности соотношение странное) и однажды – с другим изменением исходного грамматического значения: в форме 1-го лица множественного числа:

Вот отчего то парфяне, то, реже, римляне,
 то и те и другие забредают порой сюда.
 в Каппадокию. Армии суть вода,
 без которой ни это плато, ни, допустим, горы
 не знали бы, как они выглядят в профиль
 (Каппадокия, III, 234)

Мы похожи;
 мы, в сущности, Томас, одно:
 ты, коптящий окно изнутри, я, смотрящий снаружи.
 Друг для друга мы суть⁴
 обоядное дно
 амальгамовой лужи,
 неспособной блеснуть.
 (Литовский ноктюрн, II, 325)

Итак, Бродский настойчиво утверждает форму *суть* в единственном числе.

Между тем, в сознании современного образованного человека существует еще весьма твердое представление о том, что *суть* – архаическая форма 3-го лица множественного числа, а если точнее определить ее современный статус – форма старомодная, стилистически маркированная связью с научным стилем речи. Это глагол-связка в предложениях-формулировках, дефинициях, афоризмах, сентенциях типа *квадрат* и *треугольник*.

ник суть геометрические фигуры; рождение и смерть суть границы жизни. Во всех случаях на этом месте сейчас допустима и форма единственного числа есть. Причем важно, что единственное число – никак не ошибка, а, напротив, стилистически нейтральная норма для современного русского языка. В экзистенциальном значении форма есть для множественного числа только и возможна: у него есть братья. Не нарушает норму и фразеологизированное употребление формы суть в единственном числе: это не суть важно. То есть формы суть и есть и в нормативном языке сосуществуют как дублеты. Напомним также, что двойственное число уже давно утрачено русским языком, и если говорить об исконно правильном употреблении формы, то и в старомодно-научном стиле форма суть употребляется нередко на месте бывшего двойственного есть.

Язык поэзии, и более всего язык Бродского расширяет сферу функционирования формы суть.

Массовый характер ее употребления в единственном числе и многообразие контекстов с этой формой у первого поэта заставляет видеть в этом явлении не ошибку, а отражение грамматической динамики – изменения, которое происходит на наших глазах.

В таком случае стоит вспомнить, почему и как происходят сдвиги в грамматической системе и каким образом исторические процессы в языке прошлых эпох становятся доступными для изучения. Утрата или эволюция всех грамматических категорий старославянского и древнерусского языков проявлялась в нарушении грамматической правильности форм.⁵ При этом сначала при сохранении разных фонетических оболочек слов утрачивается смысловое различие: бывшие разные формы становятся дублетами, затем конкуренция вариантов приводит либо к вытеснению одного из них, либо к новому расподелению – стилистическому или смысловому.⁶

Историки языка изучают динамику изменений по ошибкам писцов в рукописных источниках – ошибках, отразивших смешение категорий. Постепенно ошибки превращаются в новые правила, а художественный язык всегда использует дублеты как дополнительные стилистические и семантические ресурсы.

Исследуя творчество Бродского, Л. Лосев фиксирует внимание на таком важнейшем свойстве его поэзии, отразившей тенденции литературы XX в., как перемещение центра тяжести с этических и социальных вопросов на экзистенциальные [Лосев, 1986, 189]. Это обстоятельство значительно повышает – по отношению к нормативному языку – значимость глагола быть в экзистенциальной функции. Поэту оказывается нужны не только нейтральные, но и стилистически маркированные формы. Любопытно, что Марина Цветаева тоже утверждала экзистенциальность как наиболее значимую категорию и активно включала в свои тексты форму

первого лица *есть*, недостающую в современном языке, причем грамматически правильно. Эта форма выражала бытие преимущественно лирического я Цветаевой, но не исчерпывалась этим значением: *есть* говорилось и от имени таких природных сущностей, как например, песок, огонь.⁷ Для Бродского форма *есть* не характерна,⁸ его форма – *суть*, которая не свойственна поэзии Цветаевой. И эта форма – маркер формулы – связывает сущности объективного мира. Место автора в этом случае – поэзия наблюдателя, исследователя из мира прошлого (поскольку он это слово активно употребляет) и современного (поскольку он это слово употребляет с нарушением грамматической правильности) или даже будущего (когда косноязычие аграмматизма превратится в новую строгую правильность). Анализируя метафоры отождествления, в которых форма *суть* и является важнейшим структурным элементом, В. Полухина убедительно доказывает, что в поэзии Бродского утверждается полное отождествление автора со словом [Полухина, 1986, 90–91].⁹ При этом у Бродского дано ощущение слова как единственного способа связи между прошлым и будущим [Крепс, 1984, 235]. Обращение к вопросам бытия, попытки преодоления времени в образах разрушения бытия временем, утверждение тех ценностей, которые времени не подвластны, диктует смещение – а точнее, взаимодействие стилистически разнородных языковых элементов – архаических, современных и таких, которые опережают современное состояние языка. Устранение оппозиций между высоким и низким, сакральным и профанным, культурой и природой, умозаключением и эмоцией ведет и к устраниению оппозиции между синхронией и диахронией (то есть между современным состоянием языка и его развитием). Тексты Бродского становятся не столько речью, делающей выбор из разных возможностей, сколько собственно языком во всем его стилистическом многообразии и в динамике – совокупностью одновременно реализуемых потенций.

В архаических элементах, далеко выходящих за рамки традиционных поэтизмов типа *огнь, уста, язык* поэзии Бродского находит не столько торжественный тон, декоративную экзотику, или даже иронический прием, давно освоенный литературой, сколько те смыслы, которые оказываются адекватными современному мироощущению.

Это проявляется на разных языковых уровнях, но более всего в грамматике, поскольку именно грамматическая форма выражает отношения между понятиями. Грамматика нередко становится предметом изображения, собственно образом, объясняющим намерения автора, например:

Помесь прошлого с будущим, данная в камне, крупным
планом. Развитым торсом и конским крупом.
Либо – простым грамматическим "был" и "буду"
в настоящем продолженном. Дать эту вещь как груду

скушных подробностей, в голой избе на курьих ножках. Плюс нас, со стороны, на стульях.
 (Кентавры III, V, 165)

Глагол *суть* и вводит в его поэзию "груду скушных подробностей". Многообразное смысловое наполнение конструкций с формой *суть* (субъект может быть обозначен существительным любого рода и числа – сквозняк, темнота, счастье, армии, конкретным и абстрактным – звезда, страх, местоимением – он, мы, глаголом – корчиться) указывает на переосмысление этой формы под влиянием современного существительного *суть*. Более того, слово *суть* может быть интерпретировано и как глагол, и как существительное, в зависимости от наличия или от места знаков препинания:

В будущем, суть в амальгаме, суть
 в отраженном вчера,
 в столбике будет падать ртуть,
 летом – жужжать пчела
 (Полдень в комнате, II, 453)

Всякая зоркость суть
 знак сиротства вещей,
 не получивших грудь.
 (Сидя в тени, III, 75)

Друг для друга мы суть
 обоюдное дно
 амальгамовой лужи,
 неспособной блеснуть.
 (Литовский ноктюрн, II, 325)

Характерно, что в этих примерах ритмическое членение строк диктует, вопреки пунктуации, прочтение слова *суть* как существительного. Поскольку в синтаксическом прочтении это все-таки глагол, можно сказать, что в двойной сегментации текста, в конфликте ритма и синтаксиса¹⁰ слово стремится возвратиться к своему исходному грамматическому синкретизму, свойственному архаическому состоянию языка (здесь это нерасчлененность глагольного и субстантивного значений). Вообще во многих случаях добавление запятой или тире, аналогом которых выступает enjambement, легко превращает глагол в существительное. Тогда именной член составного сказуемого в метафоре отождествления становится однородным членом со словом *суть*, а связка семантизируется: из грамматического элемента, полностью лишенного собственного лексического значения, она становится непосредственным выражителем сущности.

В стихах Бродского имеются примеры с эксплицированной синонимией современной нормативной формы *есть* форме *суть*:

Время *есть* холод. Всякое тело, рано
или поздно, становится пищею телескопа:
остынет с годами, удаляется от светила.
Стекло зацветает сложным узором: рама
суть хрустальные джунгли хвоща, укропа
и всего, что взрастило
одиночество.

(Эклога 4-я, III, 14)

Воздух и *есть* эпилог
для сетчатки – поскольку он необитаем.

Он *суть* наше "домой",
восвояси вернувшийся слог

(Литовский ноктюрн, II, 329)

В таких контекстах можно видеть градацию смысловой значимости грамматической формы: движение от уподобления на уровне образа или ощущения к обобщающему уподоблению на уровне умозаключения.

Наблюдается и движение формы *суть* от грамматической связки к союзу – синониму союза *то есть*, что семантизирует этот союз, устанавливая равенство *то есть* = *суть*, и тем самым показывает механизм грамматического и смыслового преобразования:

Или – слившихся с теми, кого любили
в горизонтальной постели. Или в автомобиле,
суть в плену перспективы, в рабстве у линий. Либо
просто в мозгу. Дать это вслух, крикливо,
мыслью о смерти – частой, саднящей, вещной.
Дать это жизнью сейчас и вечной
жизнью, в которой, как яйца в сетке,
мы все одинаковы и страшны наседке,
повторяющей средствами нашей эры
шестикрылую помесь веры и стратосферы.

(Кентавры III, 165)

Каким же образом все это осуществляют связь времен? Комплекс употреблений формы *суть* указывает на возвращение слова к грамматической нерасчлененности существительного-глагола-союза, но то, что в исходном состоянии представляло собой потенции развития, сейчас предстает итогом развития. Утверждая, что "из существительных глаголят" (Горбунов и Горчаков // II, 127), Бродский постоянно показывает, что и глагол превращается в существительное:¹¹

Древнерусский язык:	Современный язык:	Стихотворный текст:
существительное=глагол	существительное—>глагол глагол—>существительное	глагол=существительное

Конечно, современное преобразование, моделирующее исторические процессы, становится возможным именно при деграмматизации, естественной в динамике языковых изменений. Современный русский язык вообще не выражает глаголом *быть* в настоящем времени специфических значений лица и числа. Освобожденный от связочной функции и от конкретности субъектов, он становится универсальным выразителем экзистенциальности. Язык поэзии Бродского противопоставляет форме *есть* форму *суть* как слово, способное к реставрации связи с существительным, как слово, хранящее значение философской абстракции, наконец, как слово, сохраняющее этимологические и словообразовательные связи с такими словами как *сущность*, *существительное*, *существование*, *существенный*, *насущный*, *сущий* и *Сущий* (Бог).

Итак, повторяя путь развития глагольной формы *есть*, используя потерю частных грамматических значений лица и числа как возможность абстрагирования, форма *суть* оказывается способной компенсировать утрату смысловых связей слова с другой лексикой этого этимологического гнезда. Таким образом, получается, что форма *суть* и повторяет исторический путь развития формы *есть*, и опережает современную норму формоупотребления, и – одновременно – сопротивляется деэтимологизации – языковой энтропии смысла. То есть решаются совершенно различные, даже противоположно направленные задачи – движение назад и вперед, деграмматизация и семантизация.

Возвращаясь к историческим процессам, хочу сказать, что поэзия Бродского на примере формы *суть* демонстрирует возможность нелинейного развития языка – возобновление движения из точек, однажды уже пройденных эволюций.

П р и м е ч а н и я

- 1 Здесь и далее курсив Л. Зубовой.
- 2 Здесь и далее примеры приводятся по изданию: Бродский, 1992–1994. Римская цифра указывает на том, арабская – на страницу.
- 3 Приведем несколько примеров:

Слушай на ухо: *суть*
 путь из варягов в греки,
 тоже и мой путь.
 (Кублановский, 1993, 219)

Насколько он здоров, решает суд.
 Но здравие его – позор и стыд наш *суть*,
 Ему бы не мешало прихворнуть.
 (Галкина, 1989, 111)

До переправы переправ
 добрались drogi властелина
 за год с копейками; причина
 печальный давшая итог,
 суть неисправный мочесток
 и смертоносная простуда.
 (Голь, 1994, 23)

Виртуозное употребление формы с отсылкой к ее исходному грамматическому значению множественного числа при сочетаемости с субъектом единственного имеется у М. Еремина: *Трона суть множественное число от "тробтос"*. (Еремин, 1991, 76). Переосмысление слова *трона* во множественное число от *тропа* 'литературный прием' – по модели *торта* привносит резко просторечный оттенок, контрастный форме *суть*.

- ⁴ Различия в формах грамматического лица утратились в языке раньше, чем различия в числе. Уже у А.К. Толстого, никогда не нарушающего форму числа этого глагола даже в иронических стилизациях, встречается форма 3-го лица вместо 1-го: *Так скажем уж по-прости, Кто мы такие суть* (Толстой, 1958, 275).
- ⁵ Больше всего изменился именно глагол. Исчезли аорист, имперфект, плюсквамперфект, а сохранившийся перфект видоизменился и собственно перфектом перестал быть, так как этой, теперь единственной форме прошедшего времени больше не противоставлены другие прошедшие времена со своими особыми суффиксами и окончаниями.
- ⁶ Например, бывшие формы разных падежей *пламя* и *пламень* теперь различаются стилистически, а бывшие падежные дублеты с окончаниями разных склонений *образы* и *образá* стали выражать разное значение.
- ⁷ О формах глагола *быть* у М. Цветаевой см.: Зубова, 1989, 205–240.
- ⁸ Исключение в данном случае явно подтверждает правило, так как форма *есмь* употреблена в тексте, отрицающем самодостаточность индивидуального бытия:

ибо чувствую, что я
тогда *есмь*, когда есть собеседник!
В словах я приобщаюсь бытия!
(Горбунов и Горчаков, II, 121)

Лишь однажды встретилась и форма 2-го лица *еси*, проявляющая свой потенциальный аграмматизм:

Вой, трепещи, тряси
вволю плечом худым
Тот, кто вверху еси,
да глотает твой дым!
(Горение, III, 30)

Эта форма, оставаясь формой 2-го лица в качестве цитаты из сакральных текстов, в то же время сочетается с местоимением *тот*, требующим 3-го лица: контекстом создается грамматический конфликт, в результате которого возникают условия для грамматического сдвига.

- ⁹ Ср. также наблюдение "Сам выбор связок – 'есть', 'суть' и связочных – 'это', 'вот', 'это есть', 'это то же, что', имеющих оттенок обусловленности, указывает на разную степень отождествления [Полухина, 1986, 76].
- ¹⁰ См. работы о положении слова на переносе: [Эткинд, 1978, 104–141]; [Зубова, 1989]; [Лосев, 1992], а также статью Е.В. Невзглядовой о монотонии как важнейшем структурном признаком стиха [Невзглядова, 1994].
- ¹¹ Субстантивация разных частей речи и словосочетаний, а также вообще грамматическое переосмысление (*сказalom, о потом'e, о пополаме и мн. др.*) – тоже яркая примета языка Бродского.

Л и т е р а т у р а

Бродский, И. 1991. *Стихотворения*, Таллинн.

Бродский, И. 1992–1994. *Сочинения Иосифа Бродского в 3-х томах*, СПб.

Галкина, Л. 1989. *Голос из хора*. Ленинград.

Голь, Н. 1994. *Наше наследие*, СПб.

Еремин, М. 1991. *Стихотворения*, Москва.

- Зубова, Л.В. 1989. "Языковый сдвиг в позиции поэтического переноса (на материале произведений М. Цветаевой)", *Проблемы структурной лингвистики*, Москва.
- Зубова, Л.В. 1989. *Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект*, Ленинград.
- Крепс, М. 1984. *O поэзии Иосифа Бродского*, Ann Arbor.
- Кублановский, Ю. 1993. *Чужбинное*, Москва.
- Лосев, Л. "Чеховский лиризм", *Поэтика Бродского*. Сборник статей под ред. Л.В. Лосева, Tenafly.
- Лосев, Л. 1991. "Значение переноса у Цветаевой", *Marina Tsvetaeva. Actes du 1 colloque international* (Lausanne, 30. VI-3. VII. 1982), Bern.
- Лосев, Л. 1992. "Перпендикуляр. Еще к вопросу о поэтике переноса у Цветаевой", *Marina Tsvetaeva. 1892-1992. Norwich symposia on Russian literature and culture*. Vol. II. Northfield, Vermont.
- Невзглядова, Е.В. 1994. "Проблема стиха (на материале русской лирической поэзии)", *Русская литература*, СПб., № 4.
- Полухина, В. 1986. "Грамматика метафоры и художественный смысл", *Поэтика Бродского*. Сборник статей под ред. Л.В. Лосева, Tenafly.
- Толстой, А.К. 1958. *Стихотворения*, Ленинград.
- Эткинд, Е.Г. 1978. *Материя стиха*, Париж.